

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Научный журнал

№ 3 (24) • сентябрь • 2015

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
№ 3 (24) сентябрь • 2015

Издается с ноября 2003 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Редакционный совет

- А. С. Тургаев (председатель, заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф., ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры),
М. А. Ариарский (заслуженный работник культуры РФ, член-корреспондент РАО, д-р культурологии, проф.),
В. М. Грусман (заслуженный работник культуры РФ, д-р пед. наук, доцент, директор Российского этнографического музея),
А. Н. Губанков (канд. культурологии, начальник Управления культуры Министерства обороны РФ),
С. Н. Иконникова (заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, проф., действительный член РАЕН и МАН ВШ),
А. В. Соколов (заслуженный деятель науки РФ, д-р пед. наук, проф., действительный член РАЕН и МАИ)
А. В. Шмелев (д-р русской истории, канд. ист. наук, куратор Коллекции России и стран СНГ Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета (Стэнфорд, Калифорния, США))

Редакционная коллегия

- А. Ю. Русаков (главный редактор, д-р филос. наук, доцент),
Г. В. Михеева (заместитель главного редактора, заслуженный работник культуры РФ, д-р пед. наук, проф.),
С. А. Владимирова (ответственный секретарь), Ю. И. Арутюнян (канд. искусствоведения, доцент),
П. Н. Базанов (д-р ист. наук, доцент), Т. В. Захарчук (д-р пед. наук, доцент), И. А. Ивлиева (д-р пед. наук, проф.),
С. Т. Махлина (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р филос. наук, проф., действительный член МАИ),
В. В. Молзинский (заслуженный работник высшей школы РФ, д-р ист. наук, проф.),
Е. Р. Пономарев (д-р филол. наук, доцент)

Редакторы: С. А. Владимирова, М. Е. Лисовская
Выпускающий редактор: С. А. Владимирова
Техническое редактирование: М. Е. Лисовская
Компьютерная верстка: С. А. Владимирова, М. Е. Лисовская

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу
Свидетельство ПИ № ФС2-7528 от 18.04.2005

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 18.08.2015. Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 24. Тир. 500 (1-й завод 1–250). Зак.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ)194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У
Подписной индекс 80434
ISSN 2220-3044

РИНЦ http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32427

Сайт http://www.spbgik.ru/structura_university/izdatel/izd_spbguki

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2015

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Исторические науки, археология • Historical sciences and archaeology

- В. П. Поршневу. Тема Великой Отечественной войны в экскурсиях по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Valery P. Porshnev. Great Patriotic War and excursions around Saint Petersburg and Leningrad region) 6
- И. С. Ратьковский. Корни «Железного Феликса»: к вопросу о происхождении Ф. Э. Дзержинского (Илья S. Ratkovsky. Origins of the «Iron Felix»: revisiting the question of the ancestry of Felix E. Dzerzhinskiy)13
- Г. В. Михеева. Русское библиологическое общество в Петрограде в первое послереволюционное пятилетие, 1917–1921 гг. (Galina V. Mikheeva. Russian Bibliological Society in Petrograd in the first five years after October revolution, 1917–1921)23

Философские науки • Philosophical sciences

- А. В. Куманова. Философские проблемы ноосферизма вторично-документального информационного моделирования: системогенетические аспекты (Aleksandra V. Kumanova. Philosophical problems of the noospherism of secondary documentary information modeling: system and genetic approaches)30
- А. А. Лебедев. Природа, человек, культура: к динамике взаимодействия (Anatoly A. Lebedev. The nature, man, culture: to the dynamics of interaction)37
- М. Л. Купченко. Роман Курта Воннегута «Колыбель для кошки» как философский роман. Часть 2 (Marina L. Kupchenko. «Cat's Cradle» by Kurt Vonnegut as the philosophical novel. Part 2)42

Искусствоведение • Art history

- Д. Д. Уразымбетов. Семиотические коды сценических пространств (Damir D. Urazymbetov. Semiotic codes of scenic spaces)56
- М. В. Каплун. Персонажи-шуты в «Иудифи» И. Г. Грегори в контексте репертуара «английских комедиантов» (Marianna V. Kaplun. Buffoon-characters in «Judith» by J. G. Gregory in the context of the «English comedians'» repertoire)61
- М. Р. Черная. Работа с народным песенным материалом: на примере творчества Г. О. Корчмара (Marina R. Chernaya. Handling the folk song material as exemplified by the oeuvre of Gregory Korchmar)66
- П. К. Корнев. Повторная цикличность становления и развития джазового искусства XX в.: традиционное, новое, авангард. Часть 6. 2000-е гг. (Petr K. Kornev. Recurrent cycle series the making and evolution art of jazz in 20th century: traditionalism, modernism, bebop. Part 6. 2000's)69
- О. В. Омеляненко. Влияние немецкого экспрессионизма на советское документальное кино второй половины 1980-х гг.: на примере фильма «Обводный канал» режиссера А. Учителя (Oksana V. Omelyanenko. The influence of German expressionism on Soviet documentary cinema of the second half of the 1980's on example «Obvodny Kanal», director Alexey Uchitel)83
- В. И. Косик. Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии (Viktor I. Kosik. Born in Saint Petersburg: Russian painters in Yugoslavia)86
- А. А. Варламова. Опыт первой творческой командировки советских художников (Aleksandra A. Varlamova. On the question of the first creative target trip of soviet artists)93
- И. А. Бибикова. Проблема атрибуции плаката «Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, 1962 г.» из фондов Государственного музея политической истории России (Irina A. Bibikova. The issue of attribution of the World Congress for General Disarmament and Peace, 1962 lithograph poster from the funds of the State Museum of Political History of Russia)99
- Н. С. Гуркина. Ремесло, мастерство, искусство: художественное стекло Дэйла Чихули (Natalia S. Gurkina. Craft, craftsmanship, art: Chihuly's creative work in glass) 104
- Ю. Ю. Михайлова. Интерпретация готики в американской архитектуре (Juliana J. Mikhailiva. American Gothic interpretation) 109
- М. А. Нестерова. Модные журналы XVIII–XX вв.: история появления и этапы развития немецких изданий (Maria A. Nesterova. Fashion Magazines of XVIII–XX centuries: history and developing of the German ones) 117

Содержание • Contents

Культурология • Cultural studies

Д. Д. Миронов. Субъект и культура: механизм идентификации (Denis D. Mironov. Subject and culture: the mechanism for identifying)	126
Д. Г. Кикнадзе. Традиция почитания скульптур бодхисаттвы Каннон в простонародном японском буддизме XII в. (Diana G. Kiknadze. Tradition of Veneration the Bodhisattva Kannon Statues in Folk Japanese Buddhism in 12 century)	130
М. В. Бусыгина. Общества дружбы в развитии отношений между народами Азербайджана и России (Marina V. Busigina. Friendship societies in cultural relations between Russia and Azerbaijan)	133
С. В. Горобец. Штрихи к портрету А. И. Зилоти: к 70-летию со дня смерти (Svetlana V. Gorobets. Touches to the portrait of Alexander Siloti: 70th anniversary since the death)	136
С. В. Ватман. Философия искусства Вячеслава Иванова: диалектика падения и апофеоза (Semyon V. Vatman. Philosophy of art by Vyacheslav Ivanov: dialectics of falling and apotheosis) ...	140
В. С. Отрешко. Моральное самоопределение личности (Vladimir S. Otrushko. Moral self-identity)	152
И. Чайбок-Тверефу, Ю. И. Дзядык. Семейные традиции в России и Гане: рождение ребенка (Ildiko Csajbok-Twerefou, Yuriy I. Dzyadyk. Family traditions in Russia and Ghana: the birth of a child)	159
Н. В. Деконская. Охтинский мыс как объект наследия: проблемы и перспективы музеефикации (Natalia V. Dekonskaya. Okhta Cape as a heritage site: problems and prospects of conversion into the museum)	165

Документальная информация • Documentary information

Т. О. Серебрянникова. Людмила Викторовна Трапезникова (Tatiana O. Serebrjannikova. Lyudmila Viktorovna Trapeznikova)	172
А. И. Шпрыгова. Критерии отбора художественной литературы для подростков (Anna I. Shprygova. Selection criterias of literature for teenagers)	174
М. Н. Мысин. Образование в условиях информационного и коммуникационного прогресса (Mikhail N. Mysyn. Education in the information and communication technology progress)	179
М. М. Аболина. И. А. Бунин и издательство «Скорпион» (Margarita M. Abolina. Ivan A. Bunin and Scorpion publishing house)	183

Рецензии • Reviews

Г. В. Варганова. Библиотечная профессия на перекрестке прошлого и настоящего: рецензия на монографию Т. Ф. Каратыгиной «Свети, и будет светло: профессиологические штудии» (Москва, 2015) (Galina V. Varganova. Library profession at the crossroads of the past and nowadays: review of the monograph «Light, and it would constitute light: professiological studies» by Tatyana F. Karatygina (Moscow, 2015))	188
--	-----

Сведения об авторах	190
---------------------------	-----

Д. Г. Кикнадзе

Традиция почитания скульптур бодхисаттвы Каннон в простонародном японском буддизме XII в.

Автор на материалах сборника японской прозы сэцува «Удзи сюи моногатари» (宇治拾遺物語 «Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.) рассматривает особенности бытования среди паствы такого священного предмета буддизма, как самодельные статуи главного божества японского буддийского пантеона – бодхисаттвы Каннон.

Ключевые слова: проза сэцува, эпоха Хэйан, «Удзи сюи моногатари», буддизм, бодхисаттва Каннон, статуи

Diana G. Kiknadze

Tradition of Veneration the Bodhisattva Kannon Statues in Folk Japanese Buddhism in 12 century

The author on the materials of a Japanese setsuwa story-book «Uji Shui Monogatari» (宇治拾遺物語 «Stories collected in Uji», XIII c.) considers the peculiarities of usage of such a popular sacred object in Buddhism among the commoners, as self-made statues of Bodhisattva Kannon.

Keywords: Setsuwa literature, Heian period, «Uji Shui Monogatari», Buddhism, Bodhisattva Kannon, statues

Свое знакомство с буддийским вероучением японцы начали с VI в., когда эта новая религия, наряду с другим аспектами материковой культуры, достигла японских островов благодаря контактам с государством Пэкче, расположенном на Корейском полуострове. Буддийское вероучение привнесло с собой богатую литературу сутр, гимнов, житийной литературы, буддийскую поэзию, устную традицию коротких проповедей, а также, среди всего прочего, изобразительное искусство.

Безусловно, наиболее плодотворные контакты с выходцами из государств Корейского полуострова стали возможны после крушения Пэкче в 660 г. и Когурё в 668 г., когда в Японию хлынул мощный поток переселенцев. Среди них были носители китайской культуры – образованные монахи и ремесленники, которые были востребованы в японском обществе как люди, способные обучить и передать материковую традицию¹. Помимо распространения вероучения, они ввозили большое количество религиозных предметов и реликвий, занимались строительством монастырей, к тому же, кроме самих монахов, в Японию переселялись и ремесленники, внедрившие традицию буддийского искусства².

Японский буддизм принято разделять на светский или элитарный буддизм, который был доступен лишь высокообразованному монашеству и немногим знатым аристократам, сумевшим освоить китайскую письменность и сложный язык сутр, а также низший, популярный или простонародный. Последнему виду народной веры не была свойственна тяга к постижению

труднодоступной философии буддийского вероучения, поэтому японский популярный буддизм воспринял примитивно, на свой лад лишь такие основные идеи, как идея кармы и воздаяния за грехи, идея спасения и вместе с тем целый ряд ритуальных действий, необходимых для скорейшего обретения благ как в этой, так и в потусторонней жизни. Примитивному религиозному сознанию свойственна тяга к чему-то видимому, осязаемому. Выражаясь проще, это, в первую очередь, ритуал, священные реликвии, как мощи, статуи, сутры; явление чуда как ответ на усердную молитву перед статуей будды или бодхисаттвы, а также определенные ритуальные действия – воскуривание благовоний, милостыня, дары в знак прошения благодати или в качестве благодарности за явленное чудо и исполненные молитвы.

Письменные источники эпохи Хэйан (794–1185), и в том числе литература жанра сэцува, фиксируют духовную жизнь населения столицы Хэйанкё и столичного округа. Стоит обратить внимание на то, что под понятием «простонародная» или «популярная» вера также подразумеваются люди знатного происхождения, получившие образование китайского образца и выдержавшие экзамен чиновника, а не только простое население, живущее в тяжелых условиях, не имевшее возможность обучиться чтению и письменности. Точнее говоря, под этим понятием стоит подразумевать духовный уровень, степень духовной подготовки того или иного человека независимо от его образования или социального статуса, готовность к восприятию вероучения.

Если изящная литература придворной аристократии – эссе-**дзуйхицу**, дневники-**никки**, повести-**моногатари** – дает представление о повседневной духовной жизни знатного сословия, то буддийская назидательная литература жанра **сэцува** служит бесценным источником по изучению бытования популярных буддийских культов, ритуалов и всевозможных действий для стяжания благодати, что ярко и живо передает суть японского простонародного мышления.

В данной статье речь пойдет о таком вотивном предмете простонародного буддизма, как статуя или скульптурное изображение божества, в данном случае наиболее популярного представителя буддийского пантеона – бодхисаттвы Каннон. Вотивными предметами или, иначе говоря, предметами поклонения, религиозного почитания и благоговения среди простых мирян, считаются различные дары, которые верующие приносят в храм в качестве своеобразного жертвоприношения божествам с целью получения исцеления, исполнения заветной просьбы, стяжания благодати и во многих других трудных жизненных ситуациях.

Источником, по которому можно судить о бытовании в эпоху Хэйан скульптур бодхисаттвы Каннон как вотивного предмета послужит памятник жанра сэцува XIII в. – сборник коротких рассказов на буддийские и мирские сюжеты «Удзи сюи моногатари» (宇治拾遺物語、Рассказы, собранные в Удзи).

Наибольшее число историй «Удзи сюи моногатари» связано с бодхисаттвой Каннон или Лotosовой сутрой (21 рассказ). Очевиден факт стабильной популярности культа Каннон в японском буддизме: Каннон – (менее распр. вар.: Кандзэон; санскр. – Авалокитешвара; кит. – Гуаньшиинь или Гуань-инь) – пожалуй, самый главный и авторитетный бодхисаттва буддизма Махаяны, обладающий титулами «Всевидающий», «Внимающий звукам мира». Основная сутра буддизма Махаяны – «Лotosовая сутра» содержит Главу XXV, в которой приводится описание функций и добродетелей бодхисаттвы Авалокитешвары³. Эта глава выделена в отдельную «Сутру Каннон» (觀音經, Каннонкё).

С распространением буддизма было тесно связано развитие искусств – храмовой архитектуры, живописи, каллиграфии и зодчества. «Искусство буддизма предназначено для того, чтобы напоминать, поддерживать и усиливать вечные истины религии... – пишет Р. Фишер. – Буддизм использует целый ряд подкреплений, или „напоминаний“, которые помогают верующему в восприятии часто слишком сложного для него вероучения»⁴. Одними из многих таких «напоминаний»

в буддизме служат статуи будд и бодхисаттв. Как пишет Н. А. Виноградова, буддизм принес в Японию изобразительное искусство, прежде всего, статуи, стиль и иконографические приемы, которых сформировались в древней Индии, а затем и в Китае и Корее⁵. Еще с эпохи Нара изготовлением статуй занимались ремесленники при храмовой мастерской, где и закладывались основы сугубо японского стиля и традиций скульптурной пластики. Для изготовления статуй широко использовалась древесина, глина, позже сухой лак, ввиду его доступности и легкости изготавливаемых изделий. Бронза все еще оставалась самым дорогостоящим материалом, к тому же отливка бронзовых статуй было делом затратным и трудоемким. Именно по этой причине из бронзы отливались лишь высшие божества буддийского пантеона, как статуи Будды. Для изображения бодхисаттв годилось дерево, для божеств-защитников – податливая глина⁶.

Судя по материалу сэцува, ситуации, когда заказывалась та или иная статуя могли быть самыми разными – от данного мирянином обета до благоговейного отношения к образу буддийского божества. Однако стоит учесть, что в эпоху Хэйан, буддизм которой характеризуется как эзотерический, с гораздо обширным сонмом божеств, практика изготовления статуй среди простой паствы была более распространена. В позднехэйанский период, к которому относится наибольшая часть историй «Удзи сюи моногатари», случаи изготовления простым людом статуй бодхисаттв из дерева на заказ или самостоятельно, учащаются.

В «Удзи сюи моногатари» пять историй повествуют о чудодейственной силе статуй Каннон. Особенной чудодейственной силой обладают статуи, которые размещены в храмах Киёмидзу и Хасэдэра. Тем не менее, большой популярностью в народе пользовалось вырезание статуй для личного алтаря. Материал «Удзи сюи моногатари» показывает, что это делалось как на заказ, так и в ряде случаев самостоятельно. Например, усердная молитва осиротевшей бедной девушки перед самодельной статуей бодхисаттвы, установленной за жилищем, была услышана и Каннон послала девице достойного жениха (история «Про то, как девица из Цуруга, что в Эттиден, помогла Каннон»)⁷.

Остальные истории касаются чудодейственных статуй Каннон в крупных столичных храмах. В рассказе «Про то, как в храме Киёмидзу женщине было даровано полотно бодхисаттвой Каннон» бедная женщина, упорно молилась перед статуей Каннон, но в ответ на ее молитвы всякий

раз перед ней оказывались свертки полотна на балдахин⁸. Всякий раз женщина недоумевала – ведь она не это просила! В конце концов, побоявшись гнева богини, женщина прекратила молитву, вынесла накопившиеся свертки материи и пошла себе платье. Одежда, пошитая из этого полотна, обладала волшебным свойством благосклонного расположения всех людей к этой даме. Впоследствии дама удачно вышла замуж, жила безбедно и стала помогать другим страждущим.

Подобные чудеса являла и статуя Каннон из храма Хасэдэра⁹ – это описание ряда якобы случайного везения, посланного бодхисаттвой молодому самураю, оставшемуся без родителей и вассала, который испрашивал ее милости, лежа ниц перед статуей в храме. Однако наибольший интерес представляет сюжет о царице государства Пэкче (рассказ «Про королеву государства Пэкче и золоченую скамеечку для ног»), наказанной своим мужем за измену – ее подвесили под потолком за собственную косу так, что ноги не касались земли¹⁰. Испытывая страшные муки, она вспомнила рассказы людей о чудотворной статуе Каннон из храма Хасэдэра в далекой Японии, и мысленно стала обращаться к ней. Каннон проявила свое милосердие – она подставила под ноги бедняжки невидимый золотой стульчик, чем облегчила ее участь. Через семь дней царица была помилована, после чего сразу же собрала всевозможные богатства для пожертвования храму Хасэдэра и с многочисленной свитой отправилась в паломничество к своей заступнице.

И, наконец, последняя история с упоминанием статуи Каннон это «Чудо, сотворенное святым отшельником». Эта история – вольная интерпретация с привязкой к топографическим особенностям Японии Сутры основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи, в которой самим бодхисаттвой представлен святой отшельник, удалившийся на три года на священную гору Атаго для молитвы о грешной душе его матери¹¹. В рассказе упоминается статуя Тысячерукой Каннон, перед которой молились за искупление грехов и спасение. Бодхисаттва помог матери отшельника переродиться мужчиной, вследствие чего она смогла стать буддой.

В заключение стоит привести слова М. Е. Ермакова, который пишет о значении изготовления статуй на примере китайского простонародного буддизма: «Создание статуи, предполагающее либо накопление средств, либо собственноручное ее изготовление, служило высоким образцом религиозной жертвенности и признавалось одной из

значительных заслуг не только для мирянина, но и для монаха»¹².

В представлении простого мирянина любой вотивный предмет обожествлялся, обретал сакральный смысл. Вотивный предмет – сутра или статуя – является символом веры и проявлением усердия верующего, а то и нескольких участников процесса изготовления этого предмета. В цепочке «заказчик-художник» важная роль в этом сакральном процессе отводится им обоим. «Отвлекаясь от заключенного в сутре доктринального содержания, простонародная ментальность воспринимала ее, прежде всего, как буддийскую святыню. Иметь у себя в доме сутру (быть может не всегда доступную в ее доктринальном содержании) было равносильно для мирянина обладанию священной реликвией, а переписывание сутры или донатрство на этом поприще – религиозному подвигу сродни изготовлению статуи», – пишет М. Е. Ермаков¹³.

Примечания

¹ Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. М.: Наталис, 2011. С. 401.

² Волков С. В. Ранняя история буддизма в Корею. М.: Наука, 1985. С. 69–76.

³ Накорчевский А. А. Японский буддизм: история людей и идей, от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика. СПб.: Азбука-классика: Петерб. востоковедение, 2004. С. 193.

⁴ Фишер Р. Искусство буддизма / пер. с англ. А. Гусев. М.: Слово, 2001. С. 8.

⁵ Виноградова Н. А. Искусство Японии. М.: Изобраз. искусство, 1985. С. 15.

⁶ Там же. С. 18–19.

⁷ Удзи сюи моногатари. Токио: Сёгаккан, 1996. С. 279–288. (Серия «Синхэн Нихон котэн бунгаку дзэнсю»; т. 50). На яп. яз.

⁸ Там же. С. 345–347.

⁹ Имеется в виду знаменитая статуя Одиннадцатилетней бодхисаттвы Канон в храме Хасэдэра в Камакура. Статуя, высотой в 9,18 м., вырезанную из камфорного дерева, выбросили в море за тем, чтобы она сама нашла себе пристанище. 10 июня 736 г. ее прибило к берегу рыбацкой деревушки в окрестностях Камакура. Специально для статуи был выстроен храм, который по сей день является важным местом паломничества буддийских верующих. История этой статуи подробно описана в сборнике сэцува «Кондзюку моногатари-сю» (XI в.).

¹⁰ Удзи сюи моногатари. С. 438–439.

¹¹ Там же. С. 64–67.

¹² Ермаков М. Е. Мир китайского буддизма. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 165.

¹³ Там же. С. 171.